

молитва каждаго подогрѣвается и укрѣпляется молитвой всѣхъ тутъ собравшихся и стоящихъ со свѣчечками. Но многіе не хотятъ этого понять и сколько слышится просьбъ отслужить отдѣльную панихиду, точно будто такая лучше, крѣпче, доходнѣе къ Богу. Особенно это ярко и до скорбности поразительно, когда въ дни «вселенскихъ» панихидъ, «родительскихъ» субботъ, послѣ длинной заупокойной всенощной, т. е. именно полной, несокращенной панихиды, слышится просьбы отстоявшихъ такую, отслужить имъ еще и панихидку, т. е. десятиминутную, сокращенную требу, но зато уже отдѣльную, мою, за моихъ только покойничковъ, чтобы тутъ ни за кого другого не молились. Это характерно, какъ и служеніе отдѣльныхъ молебновъ и всякое отдѣленіе себя отъ общей жизни Церкви. Тоже надо сказать и объ обязательномъ желаніи отслужить панихиду въ тѣ дни, когда они Церковью не дозволены или по причинѣ радости, когда вся Церковь переживаетъ молитвенный восторгъ воскресенія (недѣльные дни или періодъ пятидесятницы) или по причинѣ дней нарочитаго молитвеннаго углубленія въ покаяніе о своихъ грѣхахъ (первая

седмица Поста) и т. д. Для осуществленія и поддержанія этого молитвеннаго соборнаго духа Церковь то вотъ и настаиваетъ на всѣхъ этихъ «мелочахъ», столь непривычныхъ и казалось бы ненужныхъ неоцерковленному человѣку, на этомъ благообразіи, общемъ единомудушномъ настроеніи, настроеніи апостольскаго единомудія (Дн. 11, 46). на такъ называемой уставности, основѣ этой соборности. На первый взглядъ кажется, да не все ли равно какъ и когда и о чемъ молиться, какъ кланяться и какъ креститься, но все, всякая «мелочь», всякій поклонъ и всякое крестное знаменіе содѣйствуютъ этому общему молитвенному устремленію, соборности молитвеннаго духа, когда вся церковь, всѣ молящіеся съ священникомъ вмѣстѣ славятъ Бога едиными усты и единымъ сердцемъ. И объ этомъ надо сказать, объяснить, помогать входить въ церковь тѣмъ, кто еще на церковной паперти и ощупью и боязливо ищутъ входа въ Домъ Господень.

Иеромонахъ Кипріанъ. (Кернѣ)

Богословія св. Іоанна Богослова.
Битоль. С. X. С.

Старая икона.

Готическій соборъ, можетъ быть, лучшее внѣшнее выраженіе сущности Западнаго христіанства, а символъ восточнаго, особенно русскаго, христіанства — икона.

Принято называть готику схоластикой въ камнѣ, но съ еще большимъ правомъ можно сказать икона — это чети-минеи въ краскахъ.

Стройность аналогіи к. къ будто требуетъ чтобы церкви сравнивались съ церквами, но этимъ была бы нарушена настоящая, внутренняя логика, логика намѣреній, ибо именно въ икону ушелъ, главнымъ образомъ, русскій человѣкъ, а храмы онъ строилъ, смотря на нихъ какъ на ковчеги, кіоты, рамы для иконъ и церковной живописи. Не то было на Западѣ, особенно въ зенитѣ его религіозной жизни, въ 12-омъ и 13-омъ столѣтіяхъ. Здѣсь храмъ самъ по себѣ средство выразить религіозное чувство, и точно затерянный, стоятъ произведенія религіозной живописи въ торже-

ственныхъ величавыхъ, умныхъ, логическихъ, но холодныхъ соборахъ.

Икона и картина религіознаго содержанія — не одно и то-же. Ощущеніе этой разницы различно у разныхъ людей, но почти всегда, оно очень глубоко у тѣхъ, кто воспитанъ на старыхъ иконахъ; такіе люди органически не могутъ молиться на иконы итальянскаго типа. Для нихъ онѣ остаются картинами, мірскими твореніями, а настоящая икона — нѣчто неземное.

Основанія такого настроенія нужно искать въ слѣдующемъ: религіозныя изображенія у христіанъ запада человѣкоподобны. Этотъ антропоморфизмъ проявляется не только въ статуяхъ, но и въ живописи. Востокъ пошелъ обратнымъ путемъ. Онъ хотѣлъ въ иконѣ дать выраженіе истинѣ: человѣкъ созданъ по Образу и Подобию Божію. Слова Іоанна Дамаскина о томъ, что поклоненіе иконѣ перекинется на ея прототицъ, т. е. на Спасителя, Божію

Матерь, святыхъ, являются краугольнымъ камнемъ православнаго ученія объ иконѣ. Восточные, въ томъ числѣ и старые русскіе, иконописцы все время трепетно и благоговѣнно думали объ этомъ прототипѣ, старались выразить и подчеркнуть богоподобіе челоуѣка, его духовность, небесную красоту, устранить пространство и время, по выраженію св. Іоанна Дамаскана, «выявить сокровенное», объяснить его и поднять насъ къ нему. Задача эта трудная, во всей полнотѣ, конечно, неразрѣшимая, но, съ извѣстнымъ приближеніемъ, можно сказать, что духовность обыкновенно выражалась строгостью рисунка и стремленіемъ свести на нѣтъ «тѣлесность», а небесная красота — ликующими красками. Изумительное, не земное соединеніе красоты и духовности достигалось однако лучшими иконописцами внѣ всякихъ правилъ, какъ то особенно, въ выраженіи глазъ, какъ будто, благочестивый изографъ хотѣлъ дать возможность христіанамъ воочію убѣдиться въ справедливости евангельскихъ словъ о томъ, что свѣтильникъ тѣлу око и что все тѣло свѣтло, если око чисто.

Дѣйствительно, между иконой и Священнымъ Писаніемъ существуетъ самая тѣсная связь. Она выражается даже въ деталяхъ. Чрезвычайно характернымъ является, на примѣръ, упрекъ, который въ началѣ 18-го столѣтія въ книгѣ, извѣстной подъ именемъ «Поморскіе Отвѣты», одинъ изъ столповъ старообрядчества, Андрей Денисовъ, въ міру князь Мышецкій, бросаетъ латинянамъ. Онъ осуждаетъ ихъ за то, что Богородицу они изображаютъ «простоволосой», по его выраженію. Суровый ревнитель древляго благочестія, когда писалъ свою укоризну, конечно, думалъ о словахъ св. апостола Павла: «Всякая жена, молитву дѣяющая или пророчествующая откровенной главой, срамитъ главу свою!»

Начиная съ Петра I-го и до конца 19-го столѣтія значительная часть русскаго образованнаго общества душой была далека отъ церкви. Упадокъ живого религіознаго чувства выразился немедленно въ томъ, что пропало «чувство иконы», пониманіе ея, любовь и интересъ къ ней. Очень яркимъ показателемъ этого отхода отъ иконы является то обстоятельство, что знаменитый старинный русскій купеческій родъ Строгановыхъ, средствами и ревностью которыхъ была созданы прославленные «строгановскія» иконы, совсѣмъ не сохранилъ

иконъ своихъ отцовъ. Это тѣмъ болѣе прикорбно, что потомки именитыхъ людей, графы Строгановы, всегда оставались тонкими цѣнителями и знатоками искусства.

200 лѣтъ старая икона была въ загонѣ и небреженіи и, можетъ быть, за исключеніемъ древнихъ церквей, пропала бы совсѣмъ, если бы ея не возлюбила и не берегла русская крестьянская аристократія — купечество, главнымъ образомъ старообрядческое.

Въ концѣ 19 вѣка въ Россіи интересъ къ иконѣ сталъ пробуждаться и въ другихъ слояхъ общества, но не столько по религіознымъ сколько по эстетическимъ основаніямъ, и лишь въ самое послѣднее время, уже въ изгнаніи, въ связи съ подъемомъ вѣры у многихъ русскихъ, до ихъ сердець сталъ опять доходить призывъ старой иконы, какъ удивительнаго, необычнаго отпечатка святости и духовности въ видимомъ мірѣ, въ матеріи. Такое возрожденіе понятно: холодное чувство мирилось со всякой иконой, хорошей, или плохой, искренней, или равнодушной, ремесленной, даже неблаголѣпной, потому что, въ сущности, безразличію не нужна никакая икона, но когда загораются сердца, то духъ требуетъ, чтобы и плоть, и матерія тоже возвышались и преображались. Такъ было въ тѣ времена, когда создавались тѣ дивныя иконы, передъ которыми плакали, умилялись, каялись, радовались, благодарили Бога и устремлялись къ Нему наши отцы. Нѣчто подобное начинается и сейчасъ. Живому, религіозному чувству нужно, чтобы была и новая хорошая икона. Для этого слѣдуетъ создать школу иконописи, и самое подходящее мѣсто для нея Парижъ съ его библіотеками, музеями и богатыми коллекціями, Парижъ, одинъ изъ мировыхъ центровъ изученія Византіи, особенно, ея искусства. Въ этомъ городѣ, наконецъ, росписью храма Сергіевскаго Подворья, съ большимъ талантомъ приводимой Стеллецкимъ, уже положено начало возрожденію истовой русской иконы. Есть еще одно обстоятельство которое указываетъ на Парижъ: туда, въ значительномъ количествѣ, начинаютъ проникать, хотя и не первоклассныя, но иногда всетаки не плохія и подлинныя старинныя иконы изъ Россіи, возбуждая къ иконѣ интересъ среди западныхъ людей, европейцевъ и американцевъ. Пусть этотъ интересъ сначала, какъ то было и въ Россіи, лишь коллекціонерскій, пусть даже иконы нехорошими, грѣшными путями, изъ разграбленныхъ большеви-

ками церзвей, попали въ Парижъ, но Господь часто и зло заставляетъ служить добру: кое-кто изъ иностранцевъ, вымѣнявъ икону изъ снобизма, сначала будетъ смотрѣть на нее холодными глазами, а потомъ, невольно, можетъ быть она и согрѣетъ его. Но такіе случаи будутъ, конечно очень рѣдки, и наше дѣло объяснить западнымъ людямъ икону, которая имъ, какъ правило, непонятна, чужда, а для иныхъ и соблазнительна. Всѣ недоумѣнія сводятся въ сущности къ двумъ вопросамъ:

Во-первыхъ. Не мѣшаетъ ли икона поклоняться Богу духомъ и истиною, а если и не мѣшаетъ, то нужна ли она для правильнаго поклоненія?

Во-вторыхъ. Почему византійскія (русская скія) иконы такія некрасивыя, нехудожественныя и почему на нихъ изображаютъ не обыкновенныхъ, а стилизованныхъ людей?

Было время, и не такъ давно, всего 30-40 лѣтъ тому назадъ, когда всѣ наши объясненія ни къ чему бы не привели западные люди просто не поняли бы насъ, не захотѣли бы понять; мы съ ними говорили на разныхъ языкахъ. Съ тѣхъ поръ произошелъ сильный надломъ въ идеологіи Запада. Цѣлый рядъ философовъ (Американецъ В. Джемсъ, французъ Бергсонъ, нѣмецъ Дильтей и многіе другіе) постигли то, что христіанскій Востокъ никогда не забывалъ, а именно недостаточность одного интеллекта, разсудка, для пониманія жизни. Теперь, если не всѣ, то многіе европейцы согласятся, что на ихъ вопросы объ иконѣ можно правильно отвѣтить не рядомъ уместныхъ разсужденій, а лишь образно.

Мы скажемъ: смотрите, передъ иконою Божіей Матери молча стоитъ русская женщина, должно быть, очень несчастная. Знаете ли Вы, что значить ея молчаніе?

Вотъ его смыслъ: «Матушка, Царица Небесная, окѣмили мои губы, застыло сердце, я не могу слышать словъ утѣшенія, я не могу читать евангелія, я не могу даже молиться и плакать я не могу; я могу только стоять передъ Твоей Иконою и смотрѣть на Тебя. Ты Своему Младенчику радовалась и я своему сыночку. Отвели Твоего Сына на казнь; повели въ чеку и моего мальчика, и онъ не вернулся. Одна у меня надежда; знаю я: когда то Ты ходила по землѣ, вотъ такая, какъ я Тебя вижу, женщина и святая изъ святыхъ; женщина, какъ я, но не грѣшница, какъ я, Пречистая, Ходила по землѣ и Твой Сынъ, вотъ этотъ Ребеночекъ, который у Тебя на рукахъ.

Воскресъ Твой Сынъ, и увижу я своего мальчика. Всѣ меня забыли, всѣ бросили — Ты не оставишь, Ты не бросишь. Всякое человѣческое слово и дѣло пропадетъ, какъ будто ихъ никогда и не бывало, а то, что Твой Сынъ ходилъ по землѣ, это осталось. Онъ былъ, Онъ сейчасъ, Онъ навсегда, Не будь этого, куда бы мнѣ идти?»

Слова мои плохія и слабыя и они лишь блѣдный отзвукъ, того, что на душѣ у этой женщины, ибо ея душа полна такого поклоненія Богу-Спасу- Милостивому и полна также ощущенія такого Отвѣта на вопль своего поклоненія, что разсудкомъ этого не охватишь. Воистину это поклоненіе духомъ и истиной, и безъ иконы бѣдная женщина до него бы не возвысилась. Ничто не даетъ восточному христіанину такой твердой увѣренности въ дѣйствительности воплощенія Спасителя, освященія плоти и матеріи, постояннаго пребыванія святости на землѣ, какъ созерцаніе иконы. Это ощущеніе иногда подсознательно, но оно реально, и въ немъ, въ сущности, вся догматика иконы.

Икона — это совершеннѣйшее исповѣданіе догмата Воплощенія и Искушенія, исповѣданіе того, что Христосъ былъ дѣйствительно на землѣ и былъ настоящимъ человѣкомъ. Никакими словами, никакими писаніями мы не въ состояніи дать своей вѣрѣ такого постояннаго выраженія, какъ иконою: слово отзвучить, а буква молчитъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не захочетъ ея прочесть. Книга мертва для неграмотнаго, но она мертва и для многихъ ученыхъ, потому что они не хотятъ читать или находятъ къ книгѣ лишь разсудкомъ, а икона говорить, не спросясь, часто противъ воли разсудка и минуя его, идетъ прямо къ духу. Къ книгѣ нужно подойти, а икона сама идетъ къ человѣку.

Съ этимъ могутъ согласиться, но тогда выступаетъ второе сомнѣніе, спрашиваютъ, зачѣмъ же иконы пишутся не такъ какъ, кажется, было бы нужно, а некрасивыми, странными, темными. Это замѣчаніе ошибочное, основанное на впечатлѣніи отъ плохихъ иконъ, которыя, къ сожалѣнію, встрѣчаются очень часто и поэтому обыкновенно, попадаютъ на глаза западнымъ людямъ. Совсѣмъ другое — хорошія иконы, которыхъ, конечно, немного, какъ впрочемъ, мало и хорошихъ картинъ. Такія иконы, независимо отъ религіознаго, производятъ и глубокое художественное впечатлѣніе. Недаромъ есть любители старой иконы и среди невѣрующихъ. Поэтому

упрекъ иконѣ, какъ таковой, отпадаетъ, но онъ справедливъ, поскольку направленъ противъ иконъ, написанныхъ неправильно и небрежно. Церковь всегда съ ними боролась, а сейчасъ мы, больше чѣмъ когда либо должны обращать на это вниманіе, ибо не только въ наказаніе за грѣхи наши, но и

для проповѣди Господь разсѣялъ насъ по всей землѣ и нужно намъ знать и помнить постоянно, что хорошая икона Хвала и Прославленіе христіанства, а плохая — умаленіе и униженіе Православной Вѣры.

Парижъ.

Странникъ.

Тихоновская Россія и эмиграція.

Собирающійся въ іюлѣ епархіальный съѣздъ будетъ знаменовать переходъ къ болѣе планомерному творческому развитію строительства церковной жизни въ эмиграціи. Конечно, и за истекшее время было не мало проявленій церковно-созидательной работы (напр. созданіе храмовъ даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ русскаго разсѣянія), но все же нельзя не признать, что въ общемъ въ нашей церковной жизни за границей преобладали элементы вражды и раздѣленій.

Это не могло не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на жизни русскихъ людей, оторванныхъ отъ родной почвы и особенно нуждающихся въ томъ, чтобы Церковь была для нихъ крѣпкой опорой въ безконечно трудныхъ условіяхъ ихъ изгнаннической жизни и источникомъ вѣры и надежды на будущія судьбы своей родины. Что же является причиной того, что наша Церковь за границей какъ-то не въ силахъ преодолѣть въ душахъ русскихъ изгнанниковъ элементы мрачнаго пессимизма, близкаго къ полной утерѣ всякой вѣры, и вдохнуть въ нихъ здоровый религіозный оптимизмъ? Не то ли, что эмиграція какъ то ужасно неглубоко и не религіозно переживаетъ тѣ страшныя испытанія, которыя выпали на долю русскаго народа. Стремясь продолжать активную борьбу съ большевизмомъ чисто внѣшне, она какъ то не можетъ понять, что судьбы русскаго народа рѣшаются прежде всего въ области его внутренней религіозной жизни. Это та область борьбы между Богомъ и дьяволомъ, о которой говорилъ въ своемъ творествѣ Достоевскій, понимавшій, что именно въ этой области рѣшаются судьбы какъ отдельныхъ человѣческихъ личностей, такъ и народовъ, что забвеніе этой области неминуемо ведетъ къ катастрофѣ, наступленіе которой для Россіи онъ провидѣлъ за полвѣка. Изъ глубоко укорененнаго

и въ то же время реально жизненнаго христіанскаго міровоззрѣнія ясно вытекало что спасти Россію отъ надвигающейся гибели можетъ только возвращеніе къ жизненно творческой силѣ православной вѣры, которая въ сущности и создала Россію и спасала ее въ самые тяжелые моменты ея исторіи. Творчество чело-вѣческое бываетъ, дѣйствительно, на благо только при условіи религіозной укорененности. Особенно ярко этотъ взглядъ выраженъ Ключевскимъ въ рѣчи, посвященной памяти преп. Сергія Радонежскаго: «Въ тѣсто немного нужно вещества, вызывающаго въ немъ живительное броженіе. Нравственное вліяніе дѣйствуетъ не механически, а органически. На это указалъ Самъ Христосъ, сказавъ: Царство Божіе подобно закваскѣ. Украдкой западая въ массы, это вліяніе вызывало броженіе и незамѣтно измѣняло направленіе умовъ, перестраивало весь нравственный строй души русскаго чело-вѣка XIV вѣка.» Ключевскій, называя преп. Сергія «благодатнымъ воспитателемъ русскаго народнаго духа», считаетъ, что именно онъ и его современники, работавшіе въ одномъ съ нимъ направленіи, ихъ ученики и послѣдователи, явились собирателями этой небесной закваски, въ стяжаніи которой, по преп. Серафиму Саровскому, заключается смыслъ, существо и цѣль христіанской жизни. Отъ нея вскисла вся мука народной русскаго жизни. «Они хотѣли работать надъ самими собою, дѣлать дѣло собственнаго душевнаго спасенія. Дѣятельность каждаго текла своимъ особымъ русломъ, но текла въ одну сторону, направляемая таинственными историческими силами, въ видимой работѣ которыхъ вѣрующей умъ прозрѣваетъ міродержавную десницу Провидѣнія. Личный долгъ каждаго своимъ путемъ вель къ одной общей цѣли.» Начавъ съ самихъ себя, они тѣмъ самымъ сдѣлали возможнымъ и спасеніе